

## ПОЛИТОЛОГИЯ



УДК 911.3:32

### БАЛТО-ЧЕРНОМОРЬЕ В ДВОЙНОЙ СИСТЕМЕ ЕВРОПА-ЕВРАЗИЯ

**М. В. Ильин**  
**Е. Ю. Мелешкина\***



---

Московский государственный институт международных отношений МИД России.  
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Поступила в редакцию 12.03.2012 г.

*Рассматривается регион Балто-Черноморья (Восточная Европа, European isthmus, Balto-Pontic isthmus, Great Eastern Isthmus etc.) не только как географическое пространство междуморья (Intermarium, Intermarium), но и как междуморье — интерфейс европейской и отечественной (евразийской) цивилизации. Цель исследования — выявление логики изменения конфигураций этого геополитического пространства. Используется и развивается предложенная В.Л. Цымбурским концепция конфликтной балтийско-черноморской системы. Однако в отличие от его агентивной трактовки конфликтной системы противоборства центров силы обосновывается иная, структурная модель Балто-Черноморской системы (БЧС) как многомерного эволюционирующего пространства разнородных взаимодействий, включающих и сотрудничество. Доказывается возможность использования модели БЧС в интерпретации и оценке политического развития междуморья с конца XIV столетия до наших дней. Анализируются пространственные, геополитические и геохронополитические характеристики Балто-Черноморья, а также модели межцивилизационного взаимодействия Европы и Евразии. Рассматривается проблема политической идентичности региона, его способности играть самостоятельную роль в мировой политике.*

**Ключевые слова:** Балто-Черноморье, взаимодействие цивилизаций, конфликтная система, двойная система цивилизаций.



Внутренняя форма вынесенного в заголовок составного слова *Балто-Черноморье* подсказывает, что речь идет о соединении бассейнов Балтийского и Черного морей. Здесь многие поколения разных племен, сведенных вместе масштабными географическими и длительными историческими обстоятельствами, формировали общее месторазвитие [11]. В данном пространстве значимы две структурные: оси Север — Юг (Балтика — Черноморье) и Запад — Восток (Европа — Евразия). По оси Север — Юг месторазвитие предстает как междуморье, а по оси Запад — Восток как междумирье<sup>1</sup>.

Полтора десятка лет назад в ходе бесед и споров одного из авторов статьи — М. В. Ильина — с В. Л. Цымбурским выявились две альтернативные трактовки политической организации Балто-Черноморья, или Балто-Черноморской, или балтийско-черноморской — в терминологии Цымбурского — системы (БЧС). Цымбурский акцентировал преимущественно военно-стратегические аспекты БЧС и все то, что в методологической литературе того времени принято было связывать с волевой деятельностью участников политических процессов (*agency*). Этому подходу соавтор данной статьи противопоставлял прямо противоположный — структурный, исходящий из устойчивых и до известной меры «непреодолимых» географических характеристик пространства.

В чем различия агентного и структурного подходов? Структурные факторы связаны с выделением месторазвитий различного масштаба — глобальных, территориальных и локальных — и структур их опосредования, или интерфейсов (например, вскрытого С. Рокканом построения территориальной организации Западной Европы). БЧС является интерфейсом двух глобальных месторазвитий — Западной Европы и Северной Евразии. Данный интерфейс пронизывает пространства их стыка, точнее — взаимоналожения, а также различные территориальные и локальные месторазвития этой зоны, создавая логику пространственного взаимодействия.

В трактовке В. Л. Цымбурского БЧС выступает конфликтной системой. Подобные системы связаны с силовым раскладом и существуют лишь на поверхностном уровне международной организации<sup>2</sup>. На другом, глубинном уровне, как признает сам В. Л. Цымбурский, «мы имеем опорные геополитические роли, характерные для пространства данной системы, и напряжение между ними» [14, с. 251—252]. Данное различие вполне логично заставляет В. Л. Цымбурского поставить принципиальный вопрос: «Не следует ли считать, что глубинный и поверхностный уровни международной системы образуются разными видами сущностей и разными типами отношений между ними, при том что единицы и отношения одного уровня могут всегда преобразовываться в единицы и отношения другого?» [14, с. 251].

<sup>1</sup> Двойное определение Балто-Черноморья как междуморья и междумирья было предложено В. Л. Цымбурским.

<sup>2</sup> «Я трактую международную систему на поверхностном ее уровне как систему конфликтную» [14, с. 252].

На этот вопрос следует дать утвердительный ответ. При этом нужно, однако, уточнить, что дело не просто в наличии двух уровней, а в разных системных и темпоральных масштабах. Дифференциал между масштабами создает хронополитическую перспективу. Возникает эволюционный потенциал, из которого вытекают прагматические возможности повседневных действий, в том числе связанных с силовым противоборством политических протагонистов, но далеко не исчерпывающих их соперничеством.

Разумеется, наши с В. Л. Цымбурским походы к пониманию Балто-Черноморья во многом совпадали и по ходу дискуссий существенно сблизились. Так, при обсуждении первых вариантов статьи В. Л. Цымбурского удалось убедить его, что БЧС не вполне умерла к периоду Венского конгресса, как он считал первоначально. Ее конец был им передвинут ко временам Версаля. Кроме того, В. Л. Цымбурский внес изменения в концовку своей работы и добавил постскрипtum о территориях-ориентирах в 40-х гг. XX в. Со своей стороны М. В. Ильин принял концепцию территорий-ориентиров, придав ей, однако, не конфликтное, агентивное понимание каналов взаимодействия мощных держав, а структурную трактовку в качестве мест (*loci*) государственного строительства (*state-building*) и, шире, месторазвитий.

### **Балто-Черноморское междуморье**

При панорамном взгляде на широкую протяженность Старого Света на западе перед нашим взором предстает причудливый полуостров. Это — Европа. Образ ее как полуострова был использован еще Александром Гумбольдом в его классическом труде «Космос», где он писал о «западном полуострове Азии» [4, с. 309, 351]. Представление о Европе как о гигантском полуострове Старого Света весьма последовательно проводил Халфорд Маккиндер [5, с. 179, 182, 203]. При этом он рассматривал «Европейский перешеек между Балтийским и Черными морями» (*European isthmus ... between the Baltic and the Black seas*) [5, с. 179, 197—198, 203] как своего рода связку между Европой и Сердцевинной Земли, а также говорил об этом пространстве как о «проходе» (*gateway*) из Европы в Азию или из Сибири в Европу [5, с. 69, 74, 180, 203].

Другие исследователи, которые писали о восточных пределах полуострова Европы, отмечали «балтийско-черноморскую перемычку... где материк суживается» как естественный континентальный фронтьер Европы [12, с. 110, 114] или просто ссылались на традиции античных географов, рассматривавших вслед за Птолемеем связку между Европой и Азией как своего рода перешеек [7, с. 293]. Выдающийся польский географ Еугениуш Ромер называл его Балто-Понтийским перешейком. Его знаменитый соотечественник историк Оскар Халецкий предложил особое название для этого региона — Великий Восточный перешеек (*Great Eastern Isthmus*) [3]. Он же упорно развивал идею европейского пограничья [2], которое как раз проходит по Великому Восточному перешейку.



Существуют и другие синонимы. Так, получило распространение название Междуморье. Его латинская версия (*Intermarium, Intermarum*) используется в основных новоевропейских языках — английском, французском, немецком. В языках самого региона бытуют собственные названия: пол. *Międzymorze*, лит. *Tarpjūris*, чеш. *Mezimoří*, словац. *Medzimorie* и т. п.

По большей части невысокий, зачастую незаметный водораздел акцентирует геоморфологическое своеобразие так называемого *Балто-Понтийского перешейка*. Об этом пространстве можно говорить в нескольких смыслах. Можно, например, выделить и объединить водосточные бассейны обеих морей. Они охватывают большую часть формальной географической Европы от Атлантики до Урала, кроме ее западных и восточных, южных и северных пределов. Это своего рода внутренняя Европа, а с добавлением к черноморскому также и всего средиземноморского бассейна — лона Римской империи — она будет называться кореной Европой.

Однако совершенно очевидно, что включать в *Балто-Черноморское междуморье* оба водосточных бассейна целиком избыточно. Ясно, что земли Скандинавии и Анатолии, Ютландии и Закавказья имеют скорее *заморскую*, чем *приморскую* и тем самым *междуморскую* идентификацию с точки зрения интересующего нас пространства. Оно расположено *между* Балтийским и Черным морями, а не *вокруг* них.

В связи с этим целесообразно выделить широкое географическое объединение балтийского и черноморского стоков, имеющих общий водораздел, который протянулся от Есеника и Бескид на западе до Оковского леса<sup>3</sup> и Валдая на востоке. На западе его контуры намечаются водоразделом Дуная, затем от Шумава по Моравской возвышенности уходят к Есенику и Судетам, после чего прочерчиваются по водоразделу устремленной к Северному морю Лабы (Эльбы) и стекающей в Балтику Одры (Одера).

В своих прежних статьях М. В. Ильин был склонен прочерчивать условную границу от Карпат к северу по водоразделам притоков Вислы и Днепра, а затем по западному водоразделу Немана. Эта граница, однако, слишком «политкорректна» и близка к существующим государственным границам. Если же в более полной мере учитывать собственно географические и структурные параметры, то следует принять включение в большое Балто-Черноморье бассейнов Вислы и Одры.

На востоке с его сглаженным рельефом границы не столь отчетливы. Здесь пределы Балто-Черноморья лежат на шеломяне<sup>4</sup> Среднерусской возвышенности с двумя отчетливыми ядрами, где встречаются

<sup>3</sup> Оковский, или «озерный», лес — система невысоких возвышенностей у верховий Днепра, Западной Двины, Ловати и притоков Волги в северной части Среднерусской возвышенности.

<sup>4</sup> Шеломянь — водораздельная гряда. Ср. рефрен «Слова о полку Игореве»: «О Русь, за шеломянем еси» (О Русь, ты уж за холмом). В своих статьях о внутренней геополитике России М. В. Ильин называет *шеломанем* внутренний русский водораздел, ставший структурной крепой поздней Киевской Руси.

или близки истоки основных рек региона. Это уже упоминавшийся Оковский лес на севере и орловско-оскольские «высоты» на юге. Отсюда условный рубеж можно провести по восточному водоразделу Дона на юг. На север рубеж уходит через Валдай по водоразделу «длинной» Ловати с продолжением в виде Волхова и Невы. В силу «смазанности» водораздельных границ удобно пользоваться четкими речными границами — Дон на юге, Ловать-Волхов-Нева на севере при сохранении остающегося заметным «шеломья» Среднерусской возвышенности.

Пространство между западными водоразделами Дуная и Одры и восточными Днепра и Ловати охватывает огромную территорию. Внутри нее целиком оказываются нынешние Польша, Словакия, Венгрия, Румыния, Молдова, Украина, Беларусь, Литва, Латвия и Эстония. Теми или иными своими краями в нее включаются или к ней примыкают Австрия, Сербия, Босния и Герцеговина, Хорватия, а также земли Германии, Чехии, Словении, Болгарии и России. Назовем это обширное пространство *большим Балто-Черноморским междуморьем*.

Данное географическое образование сформировано двумя полосами территорий, принадлежащих к бассейнам Балтийского и Черного морей, — восточной и западной<sup>5</sup>. Они разделены меридианным массивом Карпат, его почти широтным продолжением в виде Бескид, а затем вновь практически меридианным ответвлением — водоразделом бассейнов Вислы и Одры<sup>6</sup>.

К востоку от карпатского и висло-одренского водораздела лежат речные стоки Черного моря (Днестр, Южный Буг, Днепр), которые соседствуют с реками балтийского бассейна (Висла, Неман, Преголя, Западная Двина и протекающие сквозь озера длинные реки Великая с Нарвой и Ловать с Волховом и Невой). Это своего рода *малое Балто-Черноморское междуморье*. Оно образует предкарпатское и — условно — предвислинское предмостье Евразии. Оно охватывает львиную долю территории большого междуморья и более отчетливо выражает междуморский географический синдром. Этот синдром, как будет показано впоследствии, значительно усиливается политическими факторами. Данные обстоятельства делают малое междуморье основным объектом анализа нашей статьи.

К западу от Карпат и их меридианного продолжения в виде одравислинского водораздела расположены бассейны Дуная и Одры. Это географически более дробное и разнородное пространство, распадающееся на ряд связанных, но существенно отличающихся друг от друга

<sup>5</sup> Подобное деление намечено уже Оскаром Халецким [3], который вычленил в Центральной Европе ее западную (West Central Europe) и восточную (East Central Europe) части. К первой он относил заселенные немцами регионы, ко второй — пространство между Германией и Россией.

<sup>6</sup> В то же время следует признать и значимость восточно-польского водораздела между бассейном Вислы, с одной стороны, и бассейнами Днестра, Днепра, Немана и Преголи — с другой. Зона взаимного перетекания Европы и коренной Евразии друг в друга к северу от Карпат размыта и членится на череду своего рода сегментов, образованных бассейнами стекающих в Балтику рек.



территорий. Одни из них тяготеют к Балтийскому (Польша), а другие — к Черному (Румыния, Болгария) морю. Третьи ощущают свою удаленность от моря: это расположенные внутри и вокруг Подунавской котловины Словакия, Австрия, Венгрия и Сербия. К тому же данную полосу территорий вновь делят по градиенту восток — запад реки Дунай и Одра (Одер). Правобережье Одры и левобережье Дуная отчетливее выражают балто-черноморский синдром. Соответственно левобережье Одры и правобережье Дуная демонстрируют его куда слабее и ориентированы на западноевропейские пространства, точнее на бассейны рек североморского и адриатического стока. В этом смысле весьма характерен символизм двойного города Буды и Пешта (Будапешта).

В своей совокупности данная полоса пространств образует закарпатскую и судето-одерское предмостье Европы. Это пространство также будет рассматриваться, однако в основном как зона контакта и взаимодействия Балто-Черноморья в узком смысле с собственно Европой. В этой зоне совершенно особое место принадлежит Подунавской, или Венгерской, котловине. Здесь, в Среднем Подунавье или Альфёльде (венг. *Alföld* — *низина*) степное ядро Пусты (венг. *Puszta*<sup>7</sup>) сочленяется с лесостепными ответвлениями вдоль многочисленных рек и с лесным обрамлением, переходящим в различного рода горные зональности. Эта ниша издавна привлекла древние племена, которые создали сначала языковой союз, а затем индоевропейскую языковую общность. Как показывают данные сравнительно-исторического языкознания, из нее, скорее всего, исходят основные миграционные волны индоевропейцев и, возможно, славян [13].

В обеих географических нишах — предкарпатской и закарпатской — политические и хозяйственные усилия людей создают месторазвития, которые исторически связаны с процессами европейского и евразийского цивилизационного развития. Иными словами, освоение этих пространств получает геополитическое самоопределение благодаря взаимодействию двух цивилизационных общностей — Европы и коренной Евразии, или так называемой России-Евразии. Возникает *междумирье* — интерфейс двух цивилизаций. В этом междумирье два пояса — западный, центрально-восточноевропейский, и восточный, собственно восточноевропейский.

Оба пояса промежуточные; оба связывают Европу и коренную Евразию. Причем именно связывают, а не разделяют. Большое Балто-Черноморье — это пространство пересечения, взаимного наложения природных начал Европы и коренной Евразии. Сюда глубоко проникают евразийские степи. Их крайней западной оконечностью является уже упоминавшаяся Пуста. Сюда простерлись европейские лиственные и смешанные леса. Именно здесь наибольшей ширины, мощи и продуктивности достигает лесостепная полоса — воплощение самого принципа перехода посредством взаимного наложения.

<sup>7</sup> Название *Пуста* этимологически восходит к общеславянскому корню *\*pustъ*, ср.: русские слова *пусто*, *пустырь*, *пустыня*, сербо-хорватские *pust*, *pusta*, *pusto*, словацкое *púšť*.

Между обоими поясами есть, однако, и очевидные различия. Западный ориентирован на Европу. Он тесно связан с ней и географически, и культурно, и хозяйственно. Восточный пояс открыт евразийским контактам, фактически незаметно и постепенно сливается с Сердцевиной Земли.

### Двойная система Европа-Евразия

При упоминании двойной цивилизационной системы Европа — Евразия обычно возникают ассоциации с контрапунктами европейского модерна и евразийской русской системы, европейского капитализма и советского социализма (антикапитализма).

Подобный контрапункт, однако, содержится уже в разделении Римской империи на западную и восточную, актуализованный расхождением цивилизационных судеб этих двух административных образований после падения Рима в 476 г. и образования на западе западноевропейской Христианской республики, а на востоке — Ромейской теократии.

Не менее важен для Западной Европы еще один контрапункт — между римской цивилизацией и кельтско-германским варварством (антицивилизацией). Данное противопоставление цивилизации и варварства начинает постепенно утрачивать свой смысл в рамках возникающей в Темные века западнохристианской хризиды [9, с. 24—29], однако при этом оно сохраняет структурную преемственность в «формуле биполярности». Бинарная формула была уточнена и превращена в трехчастную Верденским договором 843 г. Империя Карла Великого оказалась разделенной его внуками на Западно-франкское королевство Карла II Лысого, Восточно-франкское королевство Людовика II Немецкого и расположенное между ними от низовьев Рейна до Италии Срединное королевство — достояние короля и императора франков Лотаря I — Лотарингия. Срединное королевство, впрочем, уже после смерти Лотаря было разделено его сыновьями на три королевства — Лотарингию, Прованс и Италию.

Соответствующий контрапункт лег в основу концептуальной карты Стейна Роккана. Он же использован В.Л. Цымбурским в более узком смысле, в духе конфликтных систем. Рассуждая о внутренних программах европейской «куколки-хризиды», наш коллега отмечает, что «важнейшая из таких программ в собственно геополитическом аспекте была связана с генетической биполярностью континентальной коренной Европы — биполярностью, восходящей к обособлению и конкуренции двух больших провинций раннесредневекового Франкского королевства: разделенных Рейном Нейстрии и Австразии»<sup>8</sup>. На их основе «вырастают две крупнейшие западно-христианские державы — коро-

<sup>8</sup> Нейстрия (*Neustria*), или иногда Нейстарзия (*Neustrasia*), — «новая» земля, нынешняя Северная Франция, заселенная пришедшими с Рейна франками. Австразия (*Austrasia*), именовавшаяся иногда также Австер (*Auster*), — «восточная» земля.

левство Франция и Священная Римская империя германской нации» [14, с. 107—108], контрапункт которых структурирует силовой расклад в Европе вплоть до наполеоновских войн.

Рассмотрение биполярности в терминах конфликтных систем, безо всякого сомнения, весьма продуктивно. Об этом свидетельствует обширнейшая литература о биполярности мира и соперничестве сверхдержав в XX в. Не менее, а с нашей точки зрения, даже более продуктивно рассмотрение биполярных структур в расширенной перспективе, с учетом не только поверхностных — силовых, но и глубинных — собственно цивилизационных изменений.

В плане взаимодействия цивилизаций В. Л. Цымбурский рассматривает «два случая, когда цивилизации образуют бинарные системы, причем один из элементов системы играет роль “цивилизации-хозяина”, а другой, более молодой, выступает как “цивилизация-спутник”». Это Европа и Россия, а также Китай и Япония. В последнем случае — «это дальневосточная (так называемая конфуцианско-буддистская) цивилизационная система, внутри которой выделяются в последние полтора тысячелетия “цивилизация-хозяин” — Китай с его континентальными приделами (Кореей, Юго-Восточной Азией, приалтайскими областями) и “цивилизация-спутник” Япония» [14, с. 120].

Вместе с тем на примере России и Японии Цымбурский обнаруживает «различие в типах геополитических отношений, способных устояться внутри системы цивилизаций между цивилизацией-хозяином и цивилизацией-спутником» [14, с. 121]. В чем же это различие? В случае Китая и Японии силовой, геостратегический аспект сводится к минимуму, а в случае с Россией он, по мнению В. Л. Цымбурского, максимально усилен.

В целом соотношение между двумя двойными системами определено, вероятно, довольно точно. Однако очевидный в логике конфликтных систем контраст между двумя цивилизационными комплексами выглядит далеко не столь однозначным при учете глубинных геохронополитических аспектов. К вопросу об этих аспектах мы обратимся чуть позже, как и контрасту-сходству расположения обеих систем на краях — западном и восточном — Старого Света. Пока же проследим — вслед за В. Л. Цымбурским — силовую бинарную логику конфликтной системы в пространстве Европы и России.

В полном соответствии со своей логикой силовых противоборств В. Л. Цымбурский объясняет «ускоренное послепетровское втягивание новообразованной Империи в военную политику мира за балтийско-черноморско-адриатической полосой» в структурной необходимости для Европы «наращения своего слабеющего восточного центра силами России». В результате «цивилизация-спутник прямо включается в силовой баланс цивилизации-хозяина» [14, с. 121—122].

Инициатива в создании двойной конфликтной системы принадлежала Европе, которая в череде войн создала ореол имперских оболочек, переходящих в не-Европу. На данную роль геополитическая логика предназначила коренную Евразию, к концу XVII столетия представ-

ленную Россией. Это предопределялось мощью и структурным потенциалом европейской суперсистемы, которая вовлекла в сферу тяготения собственно Вестфальской системы также некие зародыши систем-спутников: Балто-Черноморской, Балканской и Средиземноморской. Отдельными своими звеньями эти малые системы как бы накладываются друг на друга. Швеция участвует в Вестфальской и Балто-Черноморской системах, Франция — в Вестфальской и Средиземноморской и т. п. Это ведет к постепенной интеграции отдельных конфликтных систем в международную систему общеевропейского масштаба путем сначала «склеивания» (в терминах В. Л. Цымбурского), а потом и поглощения пограничных конфликтных систем.

В рамках двойной системы от России потребовалось самоопределение как геополитического партнера Европы. Однако делалось это прежде всего в имперской логике. Речь шла о форме и масштабах экспансии по различным азимутам, которые условно можно свести с основными географическими ориентирами — Север, Восток, Юг и Запад.

Север и Восток стали направлениями уже сложившего продвижения и геополитического освоения. Здесь не наблюдалось амбициозных целей, но зато очевидной была сформулированная М. В. Ломоносовым перспектива прирастания русского могущества и, добавим, свободы, ибо Поморье, северные области и Сибирь всегда оставались землями незакрепощенных, свободных и предприимчивых людей. На Севере при этом не было «казачьей» вольницы, а на востоке она была маломасштабной.

На Юге для Третьего Рима открывалась амбициозная цель борьбы с язычниками и, в перспективе, освобождения Царьграда, а там и Святой земли.

На Западе маячил искус окончательного воссоединения Руси и возвращения к истокам, а там и еще более амбициозная цель восстановления во всем христианском мире истинного православия (пусть даже ценой компромиссов, повторения расколов и самоутраты).

Экспансия Российской империи определялась прежде всего внешними ориентирами. В качестве таковых в основном выступали Запад и Юг, хотя тут требуются некоторые уточнения. Нередко имперостроительные усилия сосредотачивались на ближайших, сопредельных территориях, однако и в этих случаях базовые ориентиры могут быть угаданы. Пример подобного рода — направления имперской экспансии, определенные Петром I. Они нарочито двусмысленны. Северо-западный (Великая северная война), юго-западный (Прутский поход) и каспийский (война с Персией) векторы экспансии представляли собой «обходные» маневры. Они, по сути дела, направлены на усиление косвенного, а в перспективе и прямого контроля над общерусским и византийским наследиями в пространстве Балто-Черноморья. В данном случае Петр отказался от лобовой политики своих предков (ранних Романовых) непосредственно бороться с Речью Посполитой и Османской империей, обладателями вождеденных геополитических «призов» — (западно)русского и византийского.



Что же касается южного и западного направлений, то тут возникла своеобразная зеркальная версия германской геополитической экспансии. Тевтонский натиск на Восток (*Drang nach Osten*) был преобразован Российской империей в натиск на Юг. Германская тоска по Югу (*Sehnsucht nach Süden*), стремление припасть к святым камням Рима и стать Священной Римской империей обернулись тоской по Западу — мечте о камнях земли святых чудес и о превращении России в сверхъевропейскую империю.

Нетрудно заметить, что собственно силовые мотивы экспансии для России дополняются, а фактически определяются мотивами, связанными с «честью», а значит, с участью — в конечном счете с цивилизационным самоопределением.

Символическим выражением формулы прорыва в историю путем имперской экспансии стало создание Петром I на только что отвоеванном крайнем северо-западе новой столицы — Петербурга, которому надлежало заново утвердить господство над многоликой и потому опасной для деспотов Россией.

Выдвижение имперского центра на крайнюю периферию не столь уж и необычно — это симптом перенапряжения империи, что подтверждается классическим примером Рима. Так, при Диоклетиане наряду с формальной столицей возникли «дополнительные», менявшие свое местоположение центры власти тетрархов — Никомедия, Антиохия, Медиолан, Сирмий, Фессалоники и Трир. При Константине центр власти смещался от Эбуракума (Йорка) в Трир, затем в Сирмий, Сердику и, наконец, в Византиум, переименованный в Константинополь. Смещение центра объясняется стремлением, во-первых, быть ближе к зонам освоения или дисциплинирования (повышение оперативности), а во-вторых, удалиться от «уставшей», слишком массивной и неповоротливой старой сердцевины империи.

В контексте задачи реформирования имперской структуры создание Петербурга более чем амбивалентно. Здесь есть и удаление из «уставшей» сердцевины Великороссии, и приближение к ареалу основных политических событий Великой северной войны. Налицо и комплекс создания парадоксально-периферийного центра нового завоевания, а значит, и внутренней деспотизации России. В создании среди невских болот, почти «за рубежом» некоей квинтэссенции европеизма есть претензия на удвоение столицы: одна — для европеизуемой России, другая — для православной «третьеримизации» Европы. Есть в этом и своеобразное восстановление геополитической вертикали пути из варяг в греки: указание на направление натиска Северной (Балтийской) Европы на дикое поле поганого Черноморья. Наконец, основание столицы на Балтике — в этом «североевропейском Средиземноморье» — становится также вполне определенным знаком вступления в европейскую историю.

Пока наш анализ лишь дополнял несилowymi, в основном культурно-духовными моментами структурную логику силовых раскладов, прослеженную В. Л. Цымбурским. Это вполне отвечает задаче дополне-

ния поверхностных уровней глубинными. Однако дело не только в соединении уровней, а в масштабе самих систем, в широте перспективы их рассмотрения и анализа. В нашем поле зрения находится преимущественно контактная зона взаимодействия России и Европы, их взаимное проникновение. Это важно, особенно для понимания процессов, развивающихся на Балто-Понтийском перешейке. Но не менее важно учитывать взаимодействующие цивилизации целиком, в совокупности и внутри единого контекста.

Что это означает практически? Вот один лишь пример. Очень часто историческую роль Киевской Руси, а с ней и всего Балто-Черноморья видят лишь в защите от монгольского завоевания Европы. Москва оказывается до времени лишь мелким осколком былой державы. Это, конечно, верно, но не менее верно и другое. На осколках разбитой державы Рюриковичей формируется приемник миросистемы (World System) 1250—1350 гг. [1; 8]. В XIII столетии кочевая империя Чингисхана «замкнула» цепочку цивилизаций от Центральной до Дальневосточной и превратила основной массив Старого Света в единое суперцивилизационное пространство. Тем самым начался процесс, который в конечном счете вылился в глобализацию [6]. Произошло свертывание различных плоскостных «лоскутов» цивилизаций в целостное сферическое метацивилизационное пространство. Конечно, решающим моментом в этом деле стали Великие географические открытия и модернизационная экспансия Европы вдоль маккиндеровских Полумесяцев. Однако отмеченное тем же Халфордом Маккиндером сходство функций моряков Васко да Гамы и казаков Ермака подсказывает, что модернизирующее замыкание нашей планетной сферы шло не только через океаны, но и сквозь континенты — в первую очередь сквозь просторы Старого Света и Сердцевину Земли. Цивилизация коренной Евразии, то есть Россия, сыграла в этом деле и продолжает играть ключевую роль, структурно сопоставимую с ролью Европы.

В этой расширенной перспективе интерфейс Европы и России нельзя сводить к такому пусть важному, но частному вопросу, как обустройство Калининградского эксклава (или анклава — как посмотреть). Структурно Европа и Россия — два антиномичных начала модернизации всей мировой ойкумены. Их роль в формировании основных альтернативных моделей модернизации и глобализации крайне велика. Возможно рассмотрение гипотезы о функциональной специализации Европы и России в мировом развитии. Европа может играть роль инноватора, побудителя такого развития, а Россия его стабилизатора [10]. Впрочем, подобные роли могут быть распределены среди четверки, входящей в две зеркальные межцивилизационные системы: западной — Европы и России, а также восточной — Китая и Японии.

Существование двойных или более сложных межцивилизационных систем во многом обеспечивается формированием своего рода связок между соответствующими цивилизациями, или интерфейсов межцивилизационного взаимодействия. Подобные интерфейсы имеют, как правило, сложную пространственную и темпоральную структуру.



В пространственном отношении могут использоваться принципиально любые географические объекты, принадлежащие как каждому из цивилизационных доменов, так и внешним территориям. Однако на практике в первую очередь используются пространства совместных пограничий. Более того: на решение задач междивизиационного взаимодействия могут специально нацеливаться отдельные символически значимые объекты. К их числу могут относиться коммуникационно-транспортные структуры: дороги, реки, мосты, горные перевалы, аэропорты и т. п.; а также информационные каналы и узлы связи: библиотеки, издательства, радиостанции и др. Наконец, среди символически значимых объектов могут оказаться исторические, культурные и природные памятники, а то и разного рода образы географической идентификации.

То же самое касается и темпоральных ориентиров и точек междивизиационного взаимодействия. Хотя, в принципе, вполне допустимо использование каких угодно событий действительных историй или воображаемых времен, на деле привычней и эффективней обращение к событиям совместной истории, и особенно к опыту взаимодействия в рамках общих исторических коллизий.

Для Европы и России приоритетной зоной междивизиационного взаимодействия вполне естественно становятся пространства большого Балто-Черноморья от Кракова до Костромы, от Нарвы до Полтавы, от Аустерлица до Бородина, от Пахры до Плевны, от Сталинграда до Берлина. Сколь бы значимыми ни были глобальные аспекты интерфейса, пространство *общего сосуществования* Европы и коренной Евразии на Балто-Понтийском перешейке способно дать самое продуктивное взаимодействие. Впрочем, это пространство и само по себе способно стать мировым актором при условии разрешения ряда коллизий и исторических проблем.

### Перспективы Балто-Черноморья

Определение Балто-Черноморской системы как междумирья акцентирует ее функциональную роль как соединения, а точнее — взаимного «наложения» Европейской и Евразийской цивилизационных общностей. В самом общем виде это справедливо и по отношению к Центрально-Восточноевропейскому продолжению междумирья. Подобное наложение существенно влияет на:

- 1) формирование отдельных территорий — самостоятельных политических или регионов внутри них;
- 2) на отношения между ними;
- 3) на их политическое устройство и природу.

Неясными остаются три вопроса.

Первый. В какой мере политики и граждане аналитически выделяемых зон и/или составляющих их территорий способны концептуализировать их существование, «свое предназначение» в более широких и основательных терминах, чем «мост между Востоком и Западом» и «возвращение в Европу»?

Второй. Что могут предложить миру политики Восточной и Центральной Восточной Европы кроме поучительного опыта просчетов, ошибок и столкновений с неожиданными проблемами политического развития? Какие уроки извлечены? Какие достижения можно предъявить как образцы для подражания политикам и гражданам других частей мира?

Третий. Какое самостоятельно место в мировой политике могут занять политики Восточной и Центральной Восточной Европы по отдельности и как особые сообщества?

Ответ на эти вопросы должна дать не политическая наука, а практика. Именно она покажет, остаются ли политики Восточной и Центральной Восточной Европы, населяющие их народы, политико-культурные общности и отдельные лица всего лишь материалом, который оформляется наложением европейских и евразийских воздействий, или они способны стать субъектами собственного и мирового развития. Лично мне было бы крайне приятно, если бы развиваемый в статье структурный подход удалось дополнить новой модификацией агентивного, позволяющего увидеть, помимо влиятельных держав, растущие по всем направлениям субъекты развития самых разных масштабов и природы. В этом случае, разумеется, пришлось бы существенно уточнить, а то и пересмотреть и структурный подход.

Что касается нынешних возможностей политической науки, то предпринятая нами попытка всего лишь представляет аналитический и концептуальный инструментарий для придания большей четкости и осмысленности трем поставленным здесь вопросам. Обработка с помощью предложенного концептуального аппарата привлеченных для обзора исторических данных позволяет выдвинуть некоторые предположения и оценки.

Не вызывает сомнения, что поверхностный уровень Балто-Черноморской системы по самой своей природе акцентирует конфликтный потенциал и силовой расклад в регионе и вокруг него. В этом нет ничего трагического или дурного. Соперничество и конфликты — это вполне естественная часть нашей жизни. Дело состоит в другом. Как эти конфликты трактовать? Как использовать соперничество для собственного и общего развития?

Прежде всего нужно научиться выходить за жесткие рамки «одномерной ориентации». Всякий конфликт и всякое соперничество имеют много измерений, а главное — смыслов и содержательной нагрузки.

Вполне ожидаемо, что «в геополитических процессах ближайших десятилетий на этих цивилизационно “междумирных” землях многие местные лидеры и группы будут пытаться в борьбе за престиж и ресурсы искать поддержку у той или иной цивилизации как словно бы “своего” мира, причем “свойство” может обосновываться разными доводами — от конфессии, языка и даже относительной близости государства к данной цивилизационной платформе (как иные украинские деятели географически доказывают большую причастность своей страны к Европе в сравнении с Россией)» [14, с. 201]. То обстоятельство,



что ресурсы и престиж можно найти по разные стороны от междумирий, внушает оптимизм. Это означает, что для политиков и граждан Балто-Черноморья существует свобода выбора. Она тем больше, чем успешнее мы способны преодолеть «злобу дня сего» и обратиться к историческим и, шире, хронополитическим измерениям. Свобода, а с ней и ресурсы эффективного действия увеличиваются на порядки.

Важно не сковывать себя жгучими, но поверхностными коллизиями конфликтных раскладов. Просто необходимо двинуться дальше, перейти на глубинные уровни организации. Так, в длительной эволюционной перспективе можно усмотреть аналогии между Балто-Черноморской системой и ее Центрально-Восточноевропейским двойником, с одной стороны, и европейским «поясом городов» — с другой. В целом просматриваются не слишком четкие, но вполне заметные основания для обретения двуединой зоной европейско-евразийского взаимного наложения своего цивилизационного и политического предназначения, аналогичного тому, которое осуществил «пояс городов» в Европе. «Пояс городов» интегрировал «цивилизованное» романское и «варварское» германское «крылья» Европы. Сейчас он выступает в качестве структурного ядра ЕС, средоточия ее агентивности. По аналогии можно, вероятно, размышлять об интеграции Европы и Евразии, о структурных и агентивных аспектах этого длительного эволюционного процесса.

Понятно, что в Балто-Черноморье по многим причинам пока невозможно добиться сверхплотности и интенсивности политических, экономических, культурных и прочих «коротких» трансакций, аналогичных или сопоставимых с таковыми в «поясе городов». Однако это может быть восполнено за счет «длинных» трансакций между Европой и Евразией. Тем самым, кстати, будет снят или переформатирован конфликт по поводу продолжения евразийских «связок-шампуров» в Балто-Черноморье.

Многое, разумеется, зависит от того, насколько успешно удастся преобразовать зону цивилизационного взаимоналожения в интерфейс более современного по своему характеру взаимодействия между политическими пространствами Европы и Евразии. Это в решающей мере зависит от ответов на поставленные здесь вопросы.

Не менее важно, однако, и то, насколько готовы будут и более широкие сообщества Европы и Евразии использовать данный интерфейс для преобразования в основном конфликтной двойной системы Европа — Евразия и кооперативную и способную обрести не только структурное, но и агентивное единство. Структура — ОБСЕ — налицо. Дело за тем, чтобы составляющие ее политики по-новому оценили открываемые ОБСЕ возможности. Политическая наука способна помочь этому, если удастся развернуть исследование различных аспектов политических образований, подобных Балто-Черноморской системе.

Наконец, исключительно серьезной проблемой, требующей научного исследования, является оценка собственного культурно-организационного («цивилизационного») потенциала междумирий. До какой хронополитические степени потенциалы России и Польши сочетаемы друг с другом? Насколько способны дополнить их потенциалы Украины, Беларуси, Молдовы и стран Балтии? Чтобы обеспечить подоб-

ное соединение, если оно прагматически возможно в нынешних условиях, требуется выработать общую идентичность и создать общие структуры взаимодействия — и между собой, и с окружением. Более того — со временем потребуются создать в Балто-Черноморье «ворота в глобальный мир». Научная литература свидетельствует: такие «ворота» требуют очень высокой концентрации самых современных возможностей сетевого взаимодействия.

Пока в Балто-Черноморье нет даже потенциальных мегаполисов, способных претендовать на статус «глобальных ворот». Однако сотрудничество и мобилизация сетевого потенциала способны превратить если не в «ворота», то хотя бы в «окна» такие центры, как Варшава и Киев. Тем более это реально для балтийского Санкт-Петербурга, который издавна примерил на себя роль «окна». Впрочем, петербургское «окно» станет тем эффективней, чем энергичней и содержательней его будет подкреплять естественный малый двойник — калининградская «форточка». При всей «миниатюрности» калининградского анклава-эксклава в глобальных или даже европейских и евразийских масштабах его структурные преимущества способны повысить эффективность различных международных взаимодействий. Дело за малым — осознать эти преимущества, разработать соответствующие программы, сделать их основой повседневной жизни калининградцев.

*Статья подготовлена в рамках проектов РГНФ № 10-03-00677а «Смена поколений международных систем как фактор государственного строительства» и № 10-03-00678а «Формирование государств и наций в странах постсоветского пространства».*

#### Список литературы

1. *Abu-Lughod J.* Before European Hegemony: The World-System A.D. 1250—1350. N. Y., 1989.
2. *Halecki O.* Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe. 2<sup>nd</sup> / ed. Safety Harbor. Simon Publications, 1980.
3. *Halecki O.* The Limits and Divisions of European History. Notre Dame, Indiana, 1962.
4. *Humboldt A. von.* Kosmos. Bd. 1. Stuttgart; Tübingen, 1845.
5. *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction. Wash, 1996.
6. *Modelski G., Devezas T., Thompson W. R.* (eds.) Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change. N. Y., 2007.
7. *Parker W. H.* Europe How Far? // *Geographical Journal.* 1960. Vol. 126. P. 278—297.
8. *Абу-Луход Ж.* Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени // *Время мира.* 2001. Вып. 2.
9. *Ильин М. В.* Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Ч. 2: Хронополитическая перспектива; Ч. 3: Отечественная хронополитика. М., 1995.
10. *Ильин М. В.* Стабилизация развития // *Мегатренды мирового развития.* М., 2001.
11. *Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю.* Балто-Черноморье: времена и пространства политики. Калининград, 2010.
12. *Савицкий П. Н.* Географические и геополитические основы евразийства // *Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов.* М., 1991.



13. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991.  
 14. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993—2007. М., 2007.

#### Об авторах

*Ильин Михаил Васильевич*, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений МИД России; заместитель декана по научной работе, факультет прикладной политологии, профессор кафедры прикладной политологии, Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики.

E-mail: [ilyin@politstudies.ru](mailto:ilyin@politstudies.ru)

*Мелешкина Елена Юрьевна*, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений МИД России; доцент кафедры теории политики и политического анализа, Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики.

E-mail: [elenameleshkina@yandex.ru](mailto:elenameleshkina@yandex.ru)



### THE BALTIC-PONTIC REGION IN THE EUROPE-EURASIA DUAL SYSTEM

M. V. Ilyin, Ye. Yu. Meleshkina

*MGIMO-University*

*76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia*

Received on March 12, 2012

*This article considers the Baltic-Pontic Sea region not only as a geographical space of Intermarium (Międzymorze, Tarpjūris etc.) but also as Intermundium or the interface of European and Russian (Eurasian) civilization. The study sets out to clarify the logic of changing patterns shaping this geopolitical area. To this end, the concept of Baltic-Pontic conflict system proposed by Vadim Tsymbursky is applied and further developed. In contrast to his agent-focused vehicle of analysis disclosing the power interactions in Intermarium, the authors advance an alternative structure-focused model of the Baltic-Pontic system (BPS) as a multidimensional evolving space of heterogeneous interactions, which include cooperation. The authors suggest applying the BPS models in interpreting and clarifying historical developments in the area from the late 14<sup>th</sup> century until the present. The article analyses the spatial, geopolitical and geochronopolitical characteristics of the region, as well as the models of intercivilizational interaction between Europe and Eurasia. The author addresses the issue of the political identity of the region and its ability to play an independent role in world politics.*

**Key words:** Baltic-Pontic region, interface of civilizations, conflict system, dual civilization system

References

1. Abu-Lughod, J. 1989, *Before European Hegemony: The World-System A.D. 1250—1350*, N. Y., Oxford university.
2. Halecki, O. 1980, *Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe*, Safety Harbor, Simon Publications.
3. Halecki, O. 1962, *The Limits and Divisions of European History*. Notre Dame, Indiana, University of Notre Dame Press.
4. Humboldt, A. von, 1845, *Kosmos*, Bd. I, Stuttgart-Tübingen.
5. Mackinder, H. 1996, *Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction*. Wash., NDU Press.
6. Modelski, G., Devezas T., Thompson, W.R. (eds.) 2007, *Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change*, New York, Routledge.
7. Parker, W.H. 1960, Europe How Far? *Geographical Journal*, Vol. 126, pp. 278—297.
8. Abu-Lughod, J. 2001, Perestrukturiruja mirosistemu, predshestvujuvujuu nomu vremeni [Perestrukturirujaa world system, prior to modern times], *Vremja mira [World time]*, Vol. 2.
9. Ilyin, M.V. 1995, *Ocherki hronopoliticheskoj tipologii. Problemy i vozmozhnosti tipologicheskogo analiza jevoljucionnyh form politicheskikh sistem. Chast' II. Hronopoliticheskaja perspektiva. Chast' III. Otechestvennaja hronopolitika [Essays hronopoliticheskoy typology. Challenges and Opportunities of typological analysis of evolutionary forms of political systems. Part II. Hronopoliticheskaja perspective. Part III. domestic hronopolitika]*, Moscow, MGIMO.
10. Ilyin, M.V. 2001, *Stabilizacija razvitija [Stabilization of development], Megatrendy mirovogo razvitija [Megatrends in world development]*, Moscow, Ekonomika.
11. Ilyin, M.V., Meleshkina E. Yu. 2010, *Balto-Chernomor'e: vremena i prostranstva politiki [Baltic-Black Sea: time and space policy]*, Kaliningrad, Izdatelstvo Immanuel Kant State University of Russia.
12. Savitsky, P. N. 1991, Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evrazijstva [Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. In: *Evracija. Istoricheskie vzgljady russkikh jemigrantov [Eurasia. Historical views of the Russian immigrants]*, Moscow.
13. Trubachev, O.N. 1991, *Jetnogenez i kul'tura drevnejshih slavjan [Ethnogenesis and the culture of the ancient Slavs]*, Moscow, Nauka.
14. Tsymbursky, V.L. 2007, *Ostrov Rossija. Geopoliticheskie i hronopoliticheskie raboty. 1993—2007 [Island Russia. Geopolitical and hronopoliticheskie work. 1993—2007]*, Moscow, ROSSPJeN.

#### About authors

*Prof. Mikhail V. Ilyin*, Professor, Department of Comparative Politics, MGIMO-University; Vice-Dean for Research, Faculty of Applied Political Science, Professor, Department of Applied Political Science, National Research University — Higher School of Economics

E-mail: ilyin@politstudies.ru

*Dr. Yelena Yu. Meleshkina*, Associate Professor, Department of Comparative Politics, MGIMO-University; Associate Professor, Department of Theory of Politics and Political Analysis, National Research University — Higher School of Economics.

E-mail: elenameleshkina@yandex.ru